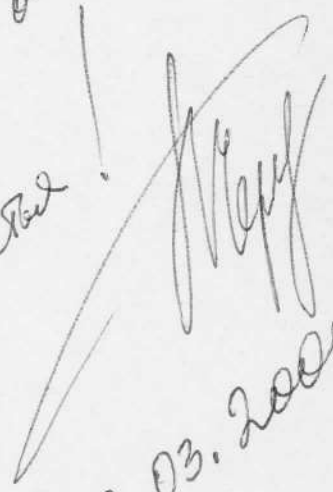

Наталья

Френсон

с добросердечиями
от автора.

Спасибо!

19.03.2004 г.

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

*Светлой памяти бабушки моей
Черкашиной Юулиони Клавдиевны –
представительнице поколения
главных героинь настоящего очерка
с низким поклоном посвящаю*

**КУЛАКОВО —
КАМЕНКА —
КУЛИГА**

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОЧЕРК

**Ханты-Мансийск
ГП "Полиграфист"
2004**

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Ч-48

Черкашин П. Р.

Ч-48 **Кулаково – Каменка – Кулига:** Краеведческий очерк / Предисловие А. Опейкина и Е. Опейкиной. – Ханты-Мансийск: ГП «Полиграфист», 2004. – 40 с.: фото.

Фоторяд П. Р. Черкашина

(На обложке фотография фрагмента улицы Семёновых в селе Кулаково Тюменской области. Снимок: декабрь 2002 года).

Представляемый очерк Павла Черкашина, пёстрый, сотканный из причудливых цветных кусков, подобно домотканому половику-дорожке в крестьянской избе, он более похож на рассказ хорошего знакомого, с которым отправился на зорьку, похож на доверительную беседу у ночного костра. И исторические сведения, и краеведческие зарисовки автора одинаково наполнены теплом бережной и нежной любви к родному краю.

- © П. Р. Черкашин, 2004
- © П. Р. Черкашин, фото, 2004
- © А. В. Опейкин, Е. А. Опейкина, предисловие, 2004
- © ГП «Полиграфист», оформление, 2004

ISBN 5-89846-345-3

Об авторе

Павел Черкашин родился в 1972 году в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Литературным творчеством начал заниматься с одиннадцати лет, но более зрелые вещи стали создаваться гораздо позднее. Первая публикация появилась в печати в пятнадцать лет в общественно-политической газете Шурышкарского района «Ленинский путь».

Павел Черкашин – неоднократный участник семинаров молодых писателей Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Его стихи, очерки и рассказы печатались на страницах областных газет «Тюмень литературная», «Тюменская правда», «Тюменские известия», «Наше время», в литературно-художественном и историко-краеведческом областном альманахе «Врата Сибири», в альманахе литераторов Ямала «Обская радуга», а также в периодических изданиях Ханты-Мансийского автономного округа: газетах «Новости Югры», «Литературная Югра», «Правопорядок Югры», в «Вестнике УВД ХМАО», в журнале «Югра» и в альманахе писателей Югры «Эринтур». Некоторые произведения писателя были опубликованы в центральных российских изданиях, таких как газета «Щит и меч», журналы «Милиция» и «Жеглов, Шаранов и К». Отдельные стихотворения Павла Черкашина переведены на английский язык и язык ханты. На его стихи написано три романа и семь песен.

Он автор книг прозы «Анастасия» (1999), «Чарушинская скамейка» (2002), двух сборников стихотворений: «Память детства» (2000) и «Межсезонье» (2001), сборника стихотворений и прозы о чеченской войне «Под чужими звездами Кавказа» (2002). Является соавтором коллективного сборника стихотворений поэтов Тюменской области «Очертания основ» (1998), коллективного сборника литературного творчества сотрудников милиции «С Югрой повенчаны навеки», изданного в честь 25-летия УВД ХМАО (2000), коллективного сборника поэзии и прозы участников литературного объединения г. Ханты-Мансийска «Самаровский ямб» (2001), коллективного сборника «Нас хранят молитвы жён и матерей» (2002) и изданного в Москве коллективного сборника очерков «Милиция Югорского края» (2002). Живёт и работает в Ханты-Мансийске.

ОЖИВЛЯЯ ИСТОРИЮ

Кулаково... Каменка... Кулига... На административной карте Тюменской области – три населённых пункта, три точки, три сухих типографских слова. И вроде бы нет за ними ничего, достойного внимания. Так, какой-нибудь скучающий горожанин, уезжая в отпуск, пронесётся на машине мимо этих деревушек, ругая вечное и привычное русское бездорожье, и не увидит ничего, кроме одноэтажных убогих домиков, огородов, кустов сирени и черёмухи, кирпичных пятен «новых» сельских построек. Привычный и не слишком интересный пейзаж.

Не интересный, скучный – если проносишься мимо него со скоростью XXI века, вперив глаза в кажущиеся близкими миражи карьеры, богатства, забывая при этом обо всём. И не замечаешь, как в безоглядной спешке оставил позади своих родителей (ну да, они есть, и письма им пишутся иногда, но это всё где-то там – в прошлом, по другую сторону реальности), своё детство, свою память, своё прошлое, самого себя. И вместе с твоими далёкими, смешными и навивными детством и юностью вдруг исчезает из жизни что-то очень важное, живое, тёплое, и иной раз, в короткие и редкие секунды торможения на жизненных поворотах, ты кажешься себе плоской картонной марионеткой, нелепо махающей руками и ногами в ответ на злые и беспорядочные рывки нити.

Кулаково. Каменка. Кулига. Три сибирских деревни, имеющих старинную, а то и древнюю историю. Не просто место на карте, но – Дом, воспитавший многие поколения, ставший истоком и обителью тысяч человеческих судеб. Эти три деревни видели на своём седом веку и шумные свадьбы, и горькие похороны, слышали праздничный благовест и рыдание вдов и матерей, не дождавшихся с войны своих мужей и сыновей. Они пережили православных царей Российской империи и партийных вождей Советского Союза.

История этих деревень с одной стороны похожа на историю сотен подобных им, с другой – уникальна и неповторима, как уникальна и неповторима судьба каждого человека. Занимаясь изучением прошлого России, её истории, иногда ловишь себя на мысли, что изучаешь историю российских столиц. Или то, как русская провин-

ция откликалась и приспособлялась к столичным нововведениям и изменениям. И провинция рассматривается как массовое явление, имеющее лишь свою региональную специфику – экономическую, социальную, национальную, демографическую, политическую... Но за этим естественным и необходимым в науке структурированием теряется что-то важное, история становится подчас схематичной, уплощённой, выставляя перед нами монохромные картины и графики. Русский крестьянин становится сословием, волостной и сельский сход – органами управления, колхоз – специфической советской формой выкачивания денег из сельского хозяйства. История перестаёт быть живой, перестаёт быть историей твоей семьи, твоих предков, твоего посёлка – твоей малой родины. История становится слишком абстрактной, умозрительной, из неё исчезают люди, остаются лишь понятия и категории.

Очерк Павла Черкашина – попытка оживить историю трёх населённых пунктов, приблизить её к читателю, наполнить человеческими ощущениями и эмоциями.

Представляемый очерк, пёстрый, сотканный из причудливых цветных кусков, подобно домотканому половику-дорожке в крестьянской избе, он более похож на рассказ хорошего знакомого, с которым отправился на зорьку, похож на доверительную беседу у ночного костра. И исторические сведения, и краеведческие зарисовки автора одинаково наполнены теплом бережной и нежной любви к родному краю. Представленные материалы местами напоминают экспедиционный дневник. В нём нет попытки обобщить, сделать выводы, это просто чёткая констатация фактов, рассказ о том, что произошло. Но именно эта форма подачи материала в большей степени соответствует жанру краеведческого очерка.

Описываемые деревни предстают перед нами в лицах её жителей: бабы Каши, Анны Степановны, Аполлинаруи Ивановны. Они являются как бы собирательным образом всех бабушек, с которыми довелось пообщаться автору очерка. В их рассказах слышатся голоса всех тех, кто когда-то жил здесь, пытался сохранить в социальных катаклизмах и потрясениях смутного времени простоту и чистоту в общении друг с другом, чувство единения с природой, миром. Голоса тех, кто здесь работал, любил, воспитывал детей.

В памяти этих женщин хранятся воистину бесценные богатства, надо только искренне захотеть их услышать, и это автор очерка делает умело, талантливо, бережно, слушает с неподдельным вниманием и глубоким интересом. Это видно по записям бесед. Вопросы автора почти не приводятся, но они ясно угадываются по ходу рассказов бабушек. А ведь пожилые жители деревень всегда очень чутко определяют, интересны гостю их повествования или он их записывает лишь ради галочки в экспедиционном отчёте. И никаким притворством не восстановить порвавшуюся из-за нечуткости и невнимания нить общения, не заставить продолжать разговор замолчавшего рассказчика.

Перед каждой из трёх частей очерка, посвящённых трём деревням, даются краткие исторические справки, позволяющие избежать в повествовании замкнутости, отчуждённости, сочетающие историю этих деревень с общей историей края. Эти исторические справки не претендуют на полноту, они как бы очерчивают контуры и силуэты прошлых лет и событий. И уже потом эти силуэты заполняются живой краской воспоминаний. Эти записи иногда настолько полно сохранили своеобразие живой человеческой речи, что обманчиво кажется, будто автор подвергнул их лишь минимальной литературной обработке. Так и видишь себя вместе с автором за столом, пьёшь крепкий чай с домашними пряниками, мерно тикают на стене ходики, а напротив – старушка тихо и неторопливо перебирает в памяти бусины дорогих воспоминаний, рассказывает о радости и горе, о людях, о традициях, о жизни. Неторопливо идёт своим чередом беседа, и вдруг понимаешь, что именно этот рассказ, эта жизнь – и есть настоящая история, живая, трепетная. Та история, которая зачастую утрачивается в серьёзных научных исследованиях. История, отсутствие которой делает научные труды интересными лишь для специалистов.

Алексей Опейкин,

и. о. заведующего отделом истории ГУ ХМАО
Музей Природы и Человека,

Евгения Опейкина,

научный сотрудник ГУ ХМАО
Музей Природы и Человека.

КУЛАКОВО – КАМЁНКА – КУЛИГА

(краеведческий очерк)

Летняя пора – время отпусков, дачных работ, долгожданных каникул у школьников. А вот у большинства студентов на первую половину июля выпадает практика. На каждом факультете и курсе – своя.

Когда я окончил первый курс филологического факультета Тюменского государственного университета, практика была «шутейная»: сбор фольклорного материала. Я уехал в родные места, в село Мужы, что расположено в западной части Ямало-Ненецкого автономного округа на коренном берегу Малой Оби. Всего за каких-нибудь три дня у меня уже было накоплено около четырёх часов аудиозаписей местных коми-зырянских сказок, загадок, частушек и песен. Особенно – песен. Праздник не праздник, а петь мужевские зыряне очень любят, не припомню, чтобы мне пришлось кого-то долго спрашивать.

А спустя год, когда мы как будущие филологи уже гораздо глубже поднаторели в различных языковедческих дисциплинах, нас, перешедших на третий курс, ожидала более серьёзная практика. Диалектологическая. Но именно она запомнилась мне больше всего своими незабываемыми встречами, и именно о ней хочется рассказать более подробно.

В задачи нашей диалектологической практики входили сбор и последующая научная классификация говоров коренных сибирских жителей сёл и деревень Тюменского района.

Сами по себе диалекты мало для кого могут представить большой интерес, конечно, кроме тех, кому это нравится или кто этим занимается по долгу профессии. Но интересным оказалось многое другое...

Чего греха таить: живя в столь суетливом многослойном и лживом мире, в мире, где чуть ли не каждый в силу навязанной жестоким веком привычки не доверять ближнему закрылся в глухой скорлупе, часто ли мы (хотя бы и наедине с самим собой) задумываемся над истоками и мудростью дедовских традиций? Можем ли похвастать хорошими знаниями старинных русских обычаев, сумеем ли спеть народную песню более одного популярного куплета или, наконец, доходчиво, увлекательно рассказать своему ребёнку историю родного края и научить жить с Богом в душе и сердце?

В городе всё это почти «умерло» либо «ушло в глубокое подполье», не проявляясь никак иначе, как только на пьяных посиделках в частушках, порой самых примитивных, а то и вовсе непристойных.

К сожалению, деревня тоже не избежала болезни Иванов, не помнящих родства, тем не менее, в большей степени сохранила народную память.

Эту великую ценность, в первую очередь, поддерживает, несмотря на её целенаправленное повальное искоренение в последние семь десятилетий, многовековой сельский уклад и быт, замешанный густо на людских поверьях, приметах, старинных сезонных и православных праздниках и на прочих благих традициях.

Да и люди там другие. Пускай и их не обошла стороной досадная печать нашего расхристанного времени, но всё-таки остались они более открытыми и приветливыми. Меньше в них фальши и двуличия. Неизмеримо меньше корыстных недомолвок, злого умысла в поступках. По-свойски, за чашкой чая, с ними можно поговорить о чём угодно. И столько нового откроется для тебя в простых законах согласного устройства жизни.

А местные бабушки – это же просто кладезь! Судьба любой из них могла бы стать полновесным сюжетом для отдельной книги. Просто чудо эти бабушки! О них и будет речь.

ИРБИТСКИЙ ТРАКТ

Маршрут нашей диалектологической практики пролегал через три следующие друг за другом населённых пункта по Ирбитскому тракту: Кулаково – Каменка – Кулига.

Мало кто знает, что, отправляясь из областного центра в аэропорт «Рошино», минуя кольцо автострады возле учебного хозяйства Тюменской сельскохозяйственной академии, он проезжает по самой первой сухопутной дороге, которая вела из-за Урала в Тюмень. Разведал её по указу царя пермский крестьянин Артемий Бабинов в 1595 году. Потому и называлась она в былое время Бабиновской. Дорога эта шла из Москвы через Соликамск на Верхотурск, Туринскую Слободу (ныне Туринск), Тюмень и далее на Тобольск, значительно сокращая путь из центральной части России в Западную Сибирь.

Служила она русскому народу верой и правдой более ста пятидесяти лет и была самой оживлённой трассой. Ею интенсивно пользовались вплоть до середины девятнадцатого века, хотя уже была проложена и объезжена новая дорога – Сибирский тракт (ныне Московский) – через Екатеринбург. А Бабиновскую дорогу стали называть Ирбитским трактом, так как вела она к небольшому городу Ирбиту в Свердловской области.

КУЛАКОВО

На двадцатом километре Ирбитского тракта начинается село Кулаково, протянувшееся в просторной пойме Туры километра на три. Это одно из самых старинных сёл, возникших под Тюменью вдоль первого тракта в Сибири. В 1997 году жители отпраздновали его четырёхсотлетие.

Раньше Кулаково славилось в округе удалыми ямщиками, отменными сортами конопли и качественными изделиями из коноплёвой пряжи. Здешние чернозёмные почвы были очень благоприятны для выращивания этой культуры. Волокно получалось длинное и на

Улица Семёновых в Кулаково. 2002 год.

редкость прочное. О том, насколько качественно оно было, может свидетельствовать тот факт, что на выставке сельских изделий в Петербурге в 1861 году кулаковская конопля была удостоена особого внимания со стороны Вольного экономического общества, существовавшего в то время. Холсты, верёвки, канаты, рыболовецкие сети и неводы из местной конопли, а также конопляное масло были широко известны и за пределами Тобольской губернии. Мало того, многое из перечисленного даже экспортировалось Россией в европейские государства.

Село Кулаково – родина авторитетного в нашем крае купца и мецената Николая Мартемьяновича Чукмалдина. Того самого, благодаря которому в Тюмени появилось городское Александровское реальное училище. Оно поместилось в красивейшем здании на улице Республики (бывшей Царской).

У этого здания теперь есть своя богатая история. В его стенах учились писатель Михаил Пришвин, дипломат Леонид Красин, разведчик Николай Кузнецов. А сравнительно недавно стал общеизвестным факт, что именно здесь на втором этаже во время Великой Отечественной войны был оборудован «временный мавзолей» для эвакуированного из Москвы саркофага с телом Владимира Ленина.

Те, кто знает Тюмень, а тем более живёт в ней, наверное, уже догадались, о каком здании идёт речь. Теперь в нём располагается главный корпус Тюменской сельскохозяйственной академии.

Кулаковцы и по сей день гордятся своим замечательным земляком. При финансовой помощи Николая Мартемьяновича в селе в 1901 году была построена большая церковь, освящённая в честь Святого Николая Чудотворца. Поставленная на прочном базальтовом фундаменте, сложенная из отборного красного кирпича, с ажурными позолоченными крестами, украшенными гранёным цветным стеклом, она была главной достопримечательностью села, наполняя округу густым колокольным звоном во время православных праздников и служб. К сожалению, вскоре Николаевская церковь, как и подавляющее число других в России, значительно пострадала во время кощунственного разгула так называемой диктатуры пролетариата в конце двадцатых годов XX века. На долгое время в ней затем разместился совхозный гараж.

*Этап восстановления православной церкви
Святого Николая Чудотворца в Кулаково. 2002 год.*

Чукмалдинский сад в Кулаково. Современный вид.

По инициативе опять же Николая Чукмалдина в Кулаково разбили великолепный сад с аллеями, скамеечками. В начале прошлого века, и даже ещё в годы Великой Отечественной войны, в чукмалдинском саду проводились многолюдные сельские празднества, играла гармонь, звучали песни. Сейчас сад в полном запустении, хотя рядом с ним находится Кулаковская средняя школа, администрация которой, организовав школьников, вполне могла бы взять на себя несложную обязанность по уходу за садом. А пока... все аллеи густо заросли репьем да крапивой...

Впрочем, кто ещё может лучше рассказать о том, что было раньше, как не сами жители.

АННА СТЕПАНОВНА

Первой, к кому я зашёл, оказалась грузноватая пожилая женщина с большими добрыми глазами – Анна Степановна Щербакова. Поначалу, узнав о цели визита, Анна Степановна немного замялась, ступсевалась, дескать, ничего она особенного-то и не знает, но затем добродушно улыбнулась и пригласила в дом.

За столом, за ароматным мятным чаем с домашним печеньем, завязалась непринуждённая беседа. Многое поведала Анна Степановна о былых годах, зашла речь и о Николае Мартемьяновиче Чукмалдине...

– Хороший был человек, сердечный. Бедным всегда помогал, даром что купец. Здесь, при Николаевской церкви, школу открыл церковно-приходскую. Сам-то в Москве больше жил. Оттуда же форму посылал ученикам. Платышки там разные. Много добра сделал. Церковь, знаете уж, поди, тоже на его средства построена. А руководил стройкой-то из столицы. Он и умер-то не то за границей, не то в Москве, а потом уж сюда везли, на родную землю. Его ведь здесь сильно почитали.

На станцию-то доставили, а до Кулаково ещё сколь везти надо. Дело в мае было, накануне как раз дожди сильные прошли, дороги кругом развезло. Так его когда в гробу до села несли, то ковры на дорожку самотканые стелили. Склеп специально сделали в церкви. Он так сам хотел. Похоронили.

Анна Степановна Щербакова. 2002 год.

А потом (и кому только такое могло понадобиться!) его достали оттуда в тридцать четвёртом году. Да ладно бы, если как у людей, а то ведь как звери поступили. Ей богу! Когда из склепа-то вынесли, стали в новый гроб перекладывать, а гроб-то тяп-ляп, наугад делали али с пьяного глаза. Он намного короче оказался. Так Николаю Мартемьянычу взяли ноги-то и... отпилили! Рядом положили. Вот какой ужас! Разве так можно? Разве по-человечески это? А перехоронили ночью глубокой. Тайком. Чтоб ни одна душа не видела. И в каком месте могилка – никто теперь не знает.

– Сад-то чукмалдинский, – продолжила Анна Степановна, – что около больницы, – мне моя матушка покойная как-то рассказала, – там раньше ещё пожарная была. Матушка хорошо всё помнила, сама помогала сад обустроить. Николай Мартемьяныч специально отборные саженцы заказывал в сад для посадки, а мама да другие жители сажали деревца. Сейчас-то ели вон уж какие: высокие, красивые. Правда, аллеи там уже все вконец заросли, ухаживать некому. Старикам неважно, молодым, видать, безразлично. А в былое-то время там кроме праздников разных сельские торги частенько проходили. И всё было. Потом мигом растащили. Куда всё подевалось?

Ну, бедные-то понятно – они тут же в колхоз пошли. Сначала у нас коммуна была, но недолго. Почти сразу сделали колхоз имени Фрунзе. Но бедняков не особенно много было. Десятка, может, два. Никак не больше. В Кулаково люди спокон веков крепко жили, хозяйство хорошее имели, трудились на совесть. Им и колхоз этот, что власти организовать вычудили, как собаке пятая нога. Так ведь надо же придумать: кулаками вдруг оказались. Раскулачивать стали. В отместку, видать. Напропалую. До последней нитки. Многих-многих раскулачили – и на выселение. Кого на Север, кого ещё дальше, на Енисей.

А остальным, кто в селе остался, волей-неволей пришлось колхозниками становиться, скотину-то всю, какая у людей была, в колхоз согнали. Да и страшно вдобавок было, ведь новая политика какая стала: если ты не колхозник, значит, единоличник, враг Советской власти. А жить-то ведь хочется. Вот было горюшко!

– Наверно, и ваша семья не избежала печальной участи?

– Не избежала. Николай, брат мой старший, тоже был выслан-

ный. Но его потом обратно за Урал перекинули. А сначала он Балтийский канал строил, года три или четыре. Как только живым обратно пришёл! Там ведь очень много погибло людей, пропадали бесследно чуть ли не каждый день, он сам как-то рассказывал. Ни жилья у них там, ни кормёжки путных не было, вечно впроголодь, а заболешь – пропадай, не велика потеря.

Но так уж, видно, ему суждено было: с канала невредимый вернулся, худющий только, кожа да кости, а вот на Великой Отечественной войне погиб, в первый же год. Жена вдовой осталась, да недолго мыкалась, скоро и сама умерла. А дети-то, двое их было, выдюжили, выросли. В городе теперь живут. Тоже уже пожилые, может, года на четыре али на пять меня помладше будут...

Церковь нашу видели?

– Конечно. По пути к вам мимо неё шёл, останавливался неподалёку. Запущенная она у вас.

– Да. А раньше какая красивая стояла. Загляденье! Я маленькой была, а хорошо помню. Сейчас-то все купола и маковки снесены, а ведь какая высокая была! Кресты большие, позолоченные, со стеклом цветным. Когда кресты снимали, стёкла-то повыпадавали. У меня был когда-то кусочек такого стекла. Подобрала на память. В него посмотришь – радуга, всё разноцветное, как в сказке. Красиво!

Ломали когда церковь, многие плакали, причитали, особенно когда колокола снимали. Такой чудесный звон от них был: густой, басовитый – заслушаешься. Куда их увезли – неизвестно. Поди, уж переплавили давным-давно. Сейчас церковь, ваша правда, и не узнать. Сарай сараем, прости Господи. Раньше-то всё чинно было, ухажено, чугунная решётка со столбиками, тротуарчики из каменных плиток, цветы на клумбах...

Помню, священники недалеко от нас жили. Степенные, грамотные. Иной раз встретишься с батюшкой на улице – обязательно поздороваешься. У одного очень красивый голос был, его любил слушать, когда он пел на службе. А теперь и домов не осталось, в которых они жили. Их ведь тоже выселили. Кажись, даже в первую очередь.

Ох, много напрасного зла было сделано. Ведь как считалось: если хороший хозяин, значит, кулак, если священник – ещё хуже,

Здание бывшей церковно-приходской школы в Кулаково, построенной по инициативе Н. М. Чукмалдина. Снимок 2002 года.

мракобес. Потом в крупных домах, из которых большие семьи выселили, садики для детей стали устраивать. Ладно, хоть не сносили, в других деревнях и так было.

А сейчас не так давно новый каменный садик построили, двухэтажный. Ой, вы зайдите туда! Там – как в сказке! Всё для детей на совесть сделано. И воспитатели у нас замечательные. Просто бесподобно! Так что зайдите обязательно.

Последнее время вообще много понастроили. Улицы новые даже появились. Раньше Кулаково не сильно большое было, а теперь здесь четыре улицы, за речкой – шесть, возле РСУ – две.

– А не знаете ли случайно, почему село назвали Кулаково?

– Ну, как же не знать, конечно, знаю. Село-то наше древнее, почти ровня Тюмени. А как оно появилось, вот что рассказывают. Когда-то с верховьев Туры приплыли сюда в лодке два человека. Один по фамилии Кулаков, а другой – Гусельников. Место им это очень понравилось – и поля, и река рядом, и бор сосновый неподалёку. Реши-

ли строиться здесь. Один-то, который Кулаков, дом тут поставил, а Гусельников – чуть выше по реке. Так вот и появились две деревни-соседки, Кулаково и Гусельниково. Теперь-то они уж соединились вместе и значатся как Кулаково.

Эх, незаметно прошло время в гостях у Анны Степановны, пора было идти к автобусу. Мы тепло попрощались, и я направился в сторону остановки. А завтрашний день сулил новую интересную встречу...

АПОЛЛИНАРИЯ ИВАНОВНА

Небольшой приземистый домик, выкрашенный в зелёный цвет, на улице Семёновых в Кулаково. Здесь живёт Аполлинария Ивановна Носырева. Пока открываю щеколду ворот, раздаётся залиvistый лай собаки. На крыльцо выходит хозяйка. Небольшого роста, сероглазая, улыбчивая, в ситцевом платочке.

Вчера у неё уже кто-то был из моих однокурсников, поэтому обхожусь без подробного объяснения своего визита. Проходим в дом. Я неожиданно стучаюсь головой о потолок: уж больно низко! Аполлинария Ивановна в ответ смеётся, приглашает садиться, угощает клубникой со своего огорода и без долгих предисловий начинает рассказывать о своей жизни.

– Я ведь всю войну работала. Не училась, робить заставляли. Отец был на фронт взят, война тогда с германцами была. Братья мои ещё маленькие, а я постарше. Помочь некому. Мамины родственники все умерли: голод страшный был. Я тоже голода хватила: картошку мороженую ели, не брезговали. Вот так. Мужики все на войне, а бабёнки да ребятишки тут. Хлеба всего по двести грамм давали. А сейчас хлеб на помойках, бывает, валяется. Ладно ещё, что у нас корова имелась. Она старая сильно была, поэтому её в совхоз не забрали, так мы хоть молоко ещё маленько пили. Летом для неё сено ходили косили. Не потопаешь, так и не полопаешь! Все работали. Тогда ведь вино-то особо не пили, от захмелевшего в работе какой толк, а теперь посмотришь – каждый божий день пьяны. Раньше и курили меньше. Правда, кое-кто самосад сажил, но то ведь взрослые, а ребята до войны не курили. Это потом уж стали, разболтались...

Вчера гроза-то в городе была?

– Была.

Аполлинария Ивановна Носырева. 2002 год.

– Здесь тоже. Я ужас как грозы боюсь. Как только начинается, я сразу под одеяло с головой укрываюсь. А иной раз и без дождя гремит. Сухая-то гроза вереснёт (сильно загремит – П. Ч.) так вереснёт. Ох, страхи! Раньше клюку (кочергу – П. Ч.) на улицу выносили от молнии али ножик на окно ставили, чтоб уберечься. А то не дай Бог чего.

Как-то раз пошли мы с работы на обед, а гроза-то и задымилась. Всё кругом обложило тучами, молнии частые засверкали. А одна девчонка впереди с бригадиром шла, так в них прямёхонько молния и ударила. Мигом оба почернели. Когда мужики и бабы их потом закапывали, ну, в день похорон-то, так и глядеть страшно было. Ох, знали бы люди, где умереть приключится, так наверняка соломки бы подстлали.

Мне мама рассказывала, как в одну грозу половина села с горки сгорела. Вот было горя!.. А горе что, его никогда вином не зальёшь, хоть того пуще оно будь. Раньше-то по три да по пять рублей вино было, и то так не пили, не спивались, а теперь по пятьсот да по шестьсот, так всё равно не жалеют деньги – пьют! На хозяйство многие плюнули, живут, как перекаати-поле, про завтрашний день нисколько не думают. Вот всё и запустили...

– Что-то у нас опять разговор на тему пьянства сбился. Может, лучше про какие-нибудь приметы местные народные расскажете?

– Ой, и правда (смеётся)! Всё про вино да про вино! Видать, наболело внутри, насмотрелась за последнее время. Ну да ладно. Лучше я про нашу жизнь в военные годы расскажу. Также несладко жилось. В войну своих трудностей хватало. Ламп добрых не было. В маленькую бутылочку косьёмку (самодельный тряпичный фитиль – П. Ч.) вставишь, она и горит понемножку. Лучин-то уж не было, прошло их время. А теперь, если что случится аварийное, то от города линию отцепят, и нигде электричество не горит. Хоть снова бутылочку востри.

В войну и пахали-то граблями. Пшеницу посеять – посеяли, а заборонить нечем. Коровёнок впрягали, на них боронили. Людей не хватает, кормильцы на фронте, а питаться чем-то всё равно надо. Оставались ведь только бабы да молодёжь зелёная. А работки днём и ночью невпроворот. Ладно бы только в родном селе, а то и в город возили железнодорожную линию расчищать от снега. У-у-у, какие

раньше каждую зиму вороха (сугробы – П. Ч.) были! А нынче, кого это, снег разве? Мало стало выпадать почему-то, совсем мало...

Вот так и жила. На этом месте родилась, шестьдесят восемь лет здесь живу. Здоровья, жалко, уже нету совсем. Состарилась, вся сморщилась. Работала – дай Бог, а ростиком маленькая была. Всякое за жизнь случалось. Два раза под смертью ходила, да, видать, не моя была, стороной обошла.

– Расскажите?

– Не-е, про это не буду. Зря заикнулась. А так, и голод, и холод на моей жизни были. Крапиву, травянуху (сурепку – П. Ч.) ели, в полёбку добавляли, лепёшки из неё делали. Чёрные-чёрные получались. Ладно, что картошка была, так хоть с ней смешивали. Люди-то в округе с одной травянухи, бывало, опухали и умирали. Нас Бог миловал.

У моей мамы до войны и серёжки были, и кольца, бусы разные, всё в городе на хлеб да на муку променяла. Нам мамино-то наследства и не осталось, всё через животы прошло. А ходили в чём? Лишь бы дыры не светились. А так – белая заплатка на чёрное али пёстрая. И, глядишь, ничего, слава Богу, выжила, окрепла, троих детей родила.

С мужем-то долго пожить не удалось. Помер он. Так с тремя детушками одна и осталась с тридцати двух лет. Трудно было. Детки ведь стали подаваться (расти – П. Ч.). Но ничего, сдюжила как-то. Выкормила, выучила их. Старший мой в семь лет уже подпаском пошёл, себе на форму для школы зарабатывать. Я не пускала его, он всё равно сам пошёл. Восемь классов здесь, в Кулаково, кончил, а потом в Успенке на тракториста выучился и в совхозе работал. Дочь в Рошино работает. В аэропорту. Утром и на ночь автобус служебный возит. Каждый день ездить надо. Морока, конечно, лишняя, но что делать. Копейка даром не даётся.

Тут Аполлинария Ивановна немного помолчала, прежде чем наш разговор возобновился.

– Вчера ко мне двое ваших девчат пришли, я немного испугалась, не знала ведь, кто вы такие, видно, что не кулаковские, а почему-то пустила. Другие-то выгоняют, наверное. Боятся ведь сейчас пускать. Не поглядят, что девчонки. Другие девчонки ещё хуже парнишек бывают. И курят, и пьют не меньше, и обворовать могут. Долго ли бабку прихлопнуть. Да ещё такую коротышку, как я. А вы, я гляжу, порядочные...

Ты давечь про наши приметы народные спрашивал?

– Да.

– Я тебе вот какой верный совет хочу дать. Ты, милый, свои волосы на волю (на улицу – П. Ч.) не кидай, а то птичка утащит, гнездо из них совьёт, а у тебя голова станет болеть, и волосы не будут расти. Примет разных много. Смаху и не вспомнишь.

И гадают у нас часто. Молодёжь, например, валенки кидает.

– А смысл такого гадания в чём?

– А вот в чём. В какую сторону валенок носком упадёт, в той стороне и половинка твоя живёт, там и счастье надобно искать.

А в другой раз девки да парни с завязанными глазами полено выбирают. Если корявое попало, то и невеста али жених у тебя корявые будут, а если ровненькое – то и жена красавица, и детушки крепенькие, породистые.

В Рождество же Христово девчата из снега комочки катали в подоле. Сколько комочков скатается, столько и детей будет от любимого. А вечером в Рождество мы, кулаковские, обычно декуемся (играем – П. Ч.), чужие конские дуги прячем. От Рождества до старого Нового года, когда молодыми были, бегали, проказили, поленницы дров разваливали, ворота водой примораживали. Глупые были, бесшабашные.

А ведь недаром говорят: не рой яму другому – сам в неё попадёшь. Года три назад мне уже самой ворота приморозили. Постарались хорошо. Я утром встала, хочу на улицу выйти, а ворота-то не открываются. Я подёргала, подёргала, а открыть-то не могу, силёнки уж не те. Пришлось через огород выходить, да топором лёд сбивать.

Сейчас-то уж никакими такими выкрутасами не занимаюсь, года не позволяют. А в молодости и ряженой тоже бегала, чтоб не узнали. Тулуп вывернешь мехом наружу, лицо чем-нибудь замотаешь, и пошла. Только по голосу и узнавали. И то не всегда. Бывало, покойником наряжались. В белые простыни завернутся, как в саван, лицо марлей обмотают – чисто покойник. Увидишь такого – сильно страшно. Некоторые так пугаются, что потом даже болеют.

У нас в Кулаково и в домового верят. Если куда вдруг переезжаешь, то и говоришь: «Дедушка-соседушка, пошли с нами жить». В новый дом сначала всё поганое заносят: корыто, ведро поганое. Потом обязательно кошку пускают через порог. А потом уже и всё ос-

тальное хозяйство. Не нами это всё заведено, не нам и нарушать. Раз принято так, значит, так и надо делать. И скотину какую если, например, купишь, в стайку её заведёшь, обязательно сказать надо: «Дедушка-соседушка, пои мою скотину и корми, не обижай родимую». Тогда она и болеть не будет, и молоко вкусное да жирное даст.

Была у нас одна женщина, не уважила домового, у неё купленная корова в первую же неделю болеть стала, постоянно мычала, сердечная, взмыленная была, а молока почти не давала, и то оно, почитай, сразу же скисало. Так-то вот.

Кулаково наше, видел, как нынче сильно строится? Куда ни глянь, новый дом стоит. Словно на дрожжах растут. Старых избышек мало осталось. Десятка три едва наберётся. А большая часть уже после войны рублена была, в пятидесятых, в шестидесятых годах, а некоторые и попозже.

Да и Тюмень здорово за последние двадцать лет выстроилась. Где теперь Дом отдыха Оловянного, так там только болото было. И Дома обороны тоже не было. С улицы Льва Толстого начинался город, самая окраина была. И за мясокомбинатом нынешним пусто было. Сам мясокомбинат – загон да крыша, куда мы скот на убой пригоняли. Тебя тогда ещё и на свете-то в помине не было, а сейчас гляжу – колечко на пальце, женился, знать.

– Женился.

– Ну, дай-то Бог тебе счастья!

Тут зашёл сын Аполлинарии Ивановны. Пора было идти на огород, полоть картошку. Мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить за рассказ и отправиться к другому дому.

БАБУШКА КАТЯ

У бабушки Кати за месяц до нашей практики случилось большое горе: сгорел дом со всем добром. Сейчас она живёт у своего племянника. Тем не менее, встретили меня радушно, и бабушка Катя не отказалась поговорить, хотя нет-нет, да и проскальзывала в последующем разговоре горькая тоска...

– Я-то сама не кулаковская родом. Моя родина – село Усть-Ничинское в Свердловской области. Вёрст семьдесят до него от здешних мест будет. Пешком пришла сюда в одних чирках (самодельная

обувь из телячьей кожи – П. Ч.). В четырнадцать лет отправили меня в Кулаково на заготовки кормов для скота. С одним мужиком проработала, с бригадиром.

Хороший мужик был, как отец словно. На ферму меня устроил. А я уж старалась, так работала, чтобы не стыдно было. Меня и хвалили потом частенько: «С нашей Катериной Фёдоровной не замрёшь! Смотри-ка, полный амбар кормов для свиней навозила!» Трудлюбивых-то всегда уважают.

Четвёртого числа в июне дом у меня сгорел. Загорелось, правда, не от меня, а от соседки. Я на крыльце стирала потихоньку, две верёвки завешала бельём, дыма-то и не заметила вовремя. А потом смотрю, у соседки-то стайка горит, а со стайки и дом уж занялся. А ведь накануне недели две такая сушь стояла. Так что за пятнадцать минут всё огнём взялось и сгорело до угольков.

У меня после этого с испуга рука заболела не на шутку. Заколело в ней, кожа вся побагровела. В больнице особо не вылечили, сказали, что это от нервов, от переживания. Видимо, теперь к бабкам знающим идти придётся. Таблеток-то нынче надёжных никаких нет, да и цены на них несусветные. Ну, ничего, до осени как-нибудь перемогусь.

– А почему именно до осени?

– А к зиме я в Тавду собираюсь. Уеду туда жить до лета к дочери. Это чтоб племяннику обременительно со мной, старухой, не было. У него и своих-то полная коробочка, а домишко, не сказать, что сильно большой.

Вчера вот на пожарище ходила, попроведовала. Поплакала в ладошку. Обещают мне дом ставить, так это ещё когда будет. Сейчас посевная, потом уборочная, да и лес нынче дорого стоит. Ох, очень тяжело в моём возрасте пережить такое несчастье, мне ведь уж семьдесят девять лет. Сколько добра пропало! Только муки три мешка сгорело. Невольно отца с матушкой вспомнишь, чтоб поплакаться, хоть и нету их уже на белом свете.

Отец-то у меня на родине похоронен. Сейчас очень в Усть-Ничинское тянет. Ездил туда в прошлый год по Туре, вылезла из лодки на берег: вот моя деревня, вот мой дом родной. Даже всплакнула от радости. Места-то у нас там какие! Щедрые! Летом каждое воскресенье по ведру земляники приносили. Про грибы уж и не говорю.

Хотя везде ведь свои достоинства. В Кулаково, например, раньше такое пиво варили, что пьёшь – не напьёшься! Вкуснейшее! Бывало, в Святки ряженым бегаешь, зайдёшь к кому-нибудь, в таз играешь-бренчишь да песню какую-либо поёшь, а тебя встретят хозяева с поклоном да ковшик пива своего обязательно поднесут. Домов пять-шесть обойдёшь, и уже хорошенький. А иной-то, кто послабее, так, бывало, «накопядуется», что напарники его потом домой на санках доставляли.

Тогда многие здесь пиво сами варили. О покупном бутылочном раньше и не слыхивали. В лесу шишечки хмеля собирали, растили рожь, овёс, потом проращивали их, на печи сушили. Это так солод готовили. А солод потом на мельнице смелешь и пиво варишь. Отменное получалось...

Я по дому своему сгоревшему часто плачу. А кошка-то, Маруся, жалеет меня, лапками-то гладит по лицу, а не царапает. Всё в глаза смотрит да мяукает. Вот и скажи, что души у животных нет. Тоже, видать, есть. Тоже ведь божьи твари.

Вот, что-то молодость свою сейчас вдруг вспомнила.

Всё ведь сами делали. Мастеровые были на все руки. Очень многое умели. Даже куклы ребятишкам своим шили. Из тряпья. А мужики сани ладили, хрясины (приспособление для расширения саней – П. Ч.). Женщины же мерёгу вязали. Это у нас так невод называют. Благо, конопля здесь в своё время добротная росла. Масло из неё ещё делали. Коноплю-то изомнём, а между клиньев специальных масло бежит. Вкусное, полезное. В блюдечко его, бывало, нальёшь, солью посыплешь слегка, и макай туда хлебушко да варёной картошкой прикусывай. Вот тебе и ужин на славу.

И ткали тоже из конопли. Кросна, навои, пришива чуть ли не в каждом доме были. Хорошие ковры получались. Много из конопли делать умели и себя одевали.

А из лыка верёвки плели, попоны, рогожки и мешки любых размеров. И в своё хозяйство, и на продажу. Вроде бы и невелик заработок, но без работы старались не сидеть. Потом на ярмарку поедем, продадим, что успели сделать. Особенно невода наши ценились, прямо-таки нарасхват шли. Я ещё и кружки на пол вязала. Знаете, наверное, коврички такие из ленточек тряпичных разноцветных. Тоже заработок какой-никакой.

Ой, что-то совсем заговорила я. Пойдёмте, я вас чаем угощу, молочка свежего попьёте с овсяными пряниками, пойдёмте.

В кухне за приземистым крепким самодельным столом рассказ бабушки Кати продолжился сам собой.

– Мы в городе-то сроду не живали, здесь привыкли жить. Люди в Кулаково в начале века неплохо жили, кто не лентяй был. Конечно, бывало потом и трудно, но кого это не коснулось? Всех подряд коснулось. Вот я, например, женщина, а и на тракторе одно время работала. Мужиков-то не хватало, в гражданскую войну их страх сколько повыкосило.

Случай в те года со мной один произошёл. На тракторе ехала, вздремнула невзначай от усталости и в колок (небольшой островок леса в полях – П. Ч.) забурилась. Вот делов-то было! Пока трактор вытаскивали из колка – день прошёл. Пришлось мне ночь работать, чтобы простой не записали. С этим тогда очень строго было.

А с мужем-то всего четыре года прожила. Не пожилось что-то. Сейчас он двадцать один год как уж умер. А когда разошлись, вся работа опять на мне оказалась. И мужская, и женская. Крепко досталось. Как-то выкручивалась. Сама теперь диву даюсь. В город через день бегала: молоко продать да успеть обратно вернуться. Четверть в одну руку, четверть – в другую, одну-две четверти – в мешке на спине, и – айда километры считать. А дорога грязная, разбитая, асфальта-то ещё в помине не было. Так и идёшь по самой кромочке. По одному никогда не ходили, боялись. Раньше жулики по дорогам рыскали. Отымут последнее – и поминай, как звали.

Кур своих держала. Без этого никак. Мы ведь все ещё налог колхозу сдавали: яиц сто штук и молока сто литров.

Ничего, уж если голод, войну пережили, то и остальное всё переживём.

Вот ещё что вспомнила. В войну-то к нам калмыки и немцы с Волги были привезены. Вроде как принудительно. У них с собой ничегошеньки своего не было. Но духом не упали. Калмыки себе мазанушки на свой манер слепили – домики такие из хвороста и глины. Да можете сами поглядеть, до сей поры на том конце села осталось несколько. Правда, никто в них уже не живёт, слишком ветхие и махонькие. А как война окончилась, калмыки постепенно все обратно в свои края подались.

А вот немцы, те здесь прижились. И сейчас живут, хозяйство крепкое появилось. А главное, традиции свои национальные сохранили и всегда вместе держатся. У них и свадьба, и похороны, и праздники по-своему проходят, по-немецки. Когда похороны, у них оркестра нет, сами поют. Грустно так, но красиво. В Кулаково-то у них целый хор, человек двадцать в нём точно есть. Если где в другом месте в округе немец умрёт, то сюда за ними обязательно приезжают, чтобы ехали петь. Молодцы, дружно живут, потому и не пропали в трудное время. Плечом к плечу держались.

Ладно. И мы не пропадём с божьей помощью.

Вот только дом сильно жалко, тридцать три года в нём прожила...

КУЛАКОВСКИЕ УЛИЦЫ

Бывая раньше в Кулаково, всё время с интересом думал: «Какие-то не совсем обычные названия у некоторых улиц!». Улица Семёновых, улица Киселёвых, улица Суворовых... Кто такие? Вполне возможно, размышлял я, что названия исторические, давние, по фамилиям наиболее именитых семей. Купеческих, например.

Оказалось совсем иначе. Названия этим улицам даны действительно в память семей, живших в Кулаково, но не купеческих, тут моя догадка не оправдалась, а тех семей, чьи отцы и сыновья не вернулись с Великой Отечественной войны.

Ранее же улица Семёновых, например, называлась Большой Трактовой. Именно по ней проходил когда-то Ирбитский тракт. Жители Кулаково называют её ещё «протяжной» или «протягом» по той причине, что она идёт через всё село от начала до конца, соединяя Кулаково и Гусельниково.

У улицы Киселёвых тоже раньше было своё особенное, даже несколько необычное название: Рубеж. Причём с ударением на первом слоге. Она крайняя, почти у самой Туры. Вероятно, отсюда и Рубеж.

КАМЕНКА

За Кулаково на двадцать втором километре заканчивается асфальтированный участок старого Ирбитского тракта, далее он представляет собой улучшенную грунтовую дорогу. Новый участок тракта проложен в объезд села на возвышении, и

именно по нему следует основной автотранспортный поток. Отсюда открывается живописный вид на пойму Туры, но наш автобус, не останавливаясь, движется дальше, и вскоре начинаются стройные сосновые леса. На одной из опушек скромный указатель сообщает, что начинаются земли совхоза «Каменский».

Массив обширного сосняка справа отделяет тракт от Туры, которая в обрамлении краснотала, плавно изгибаясь, уходит к левому краю своей долины. На правом берегу виднеются долговременные культурные пастбища.

Сразу за сосновым лесом на крутом берегу Туры, в устье реки Каменки, лежит старинное село с таким же названием, появившееся на сибирской земле почти в одно и то же время, что и соседнее Кулаково.

В девятнадцатом веке в Каменке была важная почтовая станция, волостное правление. Крестьяне села, не оставляя привычного земледелия и скотоводства, охотно занимались различными мелкими ремёслами: изготовлением деревянной посуды, мебели, экипажей, шорных изделий, мочальных веревок и рогож для упаковки товаров, регулярно перевозившихся по тракту.

Местные изделия с успехом продавались на торжках-ярмарках – многочисленных местных и Ирбитской, откуда попадали как в европейскую Россию, так и в Восточную Сибирь. Многие каменские крестьяне занимались извозом, добирались до Казани и даже до Москвы, а на востоке – до Кяхты. Некоторые, бывало, так богатели на транспортных операциях, что, в конце концов, без особого сожаления оставляли ямщицкое дело и записывались в купеческое сословие (это разрешалось).

Далеко за пределами Сибири славились тюменские ковры, изготовление которых началось в начале восемнадцатого века именно в Каменке. Есть предположение, что местное ковровое дело начали беглые крестьяне села Палех Владимирской губернии, осевшие именно здесь.

Ткать ковры вскоре стали и в окрестных деревнях: Кулиге, Насекиной, Коняшиной, Луговой и в других. Ковры достигали Санкт-Петербурга, Варшавы, попадали далеко за границу России.

Когда А. Н. Радищев возвращался в 1797 году из сибирской ссылки, то он записал в дневнике об увиденном в деревне Вилижа-

ниной (на Тобольском тракте): «Тут девка продавала ковры из села Каменского, где их все делают и продают оные проезжающим, как баранки на Волдаях».

При изготовлении ковров для крашения нитей использовали в основном краски из местных растений: ивы, ольхи, крушины, калины и трав «зеленицы» и «серпухи».

Ежегодно в селе восьмого июля устраивалась Прокопьевская ярмарка, а двадцатого июля (по старому стилю) – Ильинский торжок.

Но не только в дни ярмарок в селе было людно. В большие праздники в Каменку обязательно стекался народ из окрестных деревень в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенную в 1825 году.

Церковь в Каменке красивая, пятиглавая, с двумя приделами. Расположенная на главном возвышении села, она видна из любой точки Каменки: белоснежная, с зелёными куполами и позолоченными крестами. В известное время её тоже не миновала несправедливая участь многих русских церквей, она была до основания разорена, и долгие годы в ней располагались то совхозный склад, то поселковая электростанция.

Ныне, слава Богу, всё вернулось на круги своя. Церковь полностью отреставрировали, появился новый, пока что ещё скромный иконостас. Вот только священника своего местного покуда нет, поэтому проводить службы приезжает батюшка из Тюмени, из Парфёновской Трёхсвятской церкви.

А вот ещё несколько интересных фактов.

В Каменскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы с восьмого по десятое июля по старому стилю приносили на руках икону Спасителя из Тюменской Спасской церкви. Великое множество людей из всех окрестных деревень стекалось на поклон иконе в те три дня.

А в конце семнадцатого века в Каменке появились христиане-раскольники, хранители «старой веры», бежавшие в Сибирь от гонений никонианцев. Но и здесь их преследовали местные власти, принуждая принять новую веру. В качестве протеста староверы нередко избирали самоожжение, причём проводили это массово. Известно, что в 1687 году, в день Пасхи, в старом здании каменской церкви сожгли аж четыреста человек. Нынешние жители помнят лишь смутные слухи об этом, которые слышали ещё от своих дедов и прадедов.

РЕЧКА КАМЕНКА

Именно этой небольшой речке, длиной всего-то около четырёх километров, текущей в широком овраге и впадающей в Туру, и обязано село своим названием. Хотя, например, историк Пётр Буцинский писал: «Это село справедливо было бы назвать Усольским, потому что основано оно было посадскими людьми – «усольцами». В 1623 году в этом селе уже было шесть дворов посадских людей, один двор попа, у которого жили дьячок и пономарь. Но как и посадские, так и прочие – все были «усольцы», то есть переселенцы из старинного города Усолье на Каме (теперь Пермская область)».

Значит, сильно приглянулась первым жителям эта тихая, красивая речка, если решили они в честь неё дать название и своему селу.

Начинается речка Каменка в болотистом овраге за деревней Кулигой. Ещё в давние времена на речке устраивались запруды, стояло четыре водяных мельницы. Есть и теперь пруды у Кулиги и Каменки, однако, как ни жаль, за ними нет постоянного рачительного присмотра. Лишь сравнительно недавно, в самом начале девяностых годов двадцатого века, на речке Каменке в районе села, почти у самого устья, сделали прочную дамбу, в результате чего оказалась запруженной значительная часть оврага. А в последние лет пять-шесть этот искусственный пруд был зарыблен карпами.

Въезжая в Каменку, рейсовый автобус разворачивается на вершине одного из двух холмов, на которых просторно расположилось село. Отсюда просматривается почти всё селение. Разве что кладбищенская околица не видна, скрылась за небольшим изгибом улицы. Я выхожу из автобуса. Здравствуй, Каменка!

Местные жители, стоящие возле остановки, миролюбиво и с любопытством разглядывают меня: новенький, городско-ой. Хорошие, добрые люди живут в Каменке! К любому из них подходи и говори, о чём хочешь. Но меня интересуют бабушки, невольные верные хранительницы местного диалекта. Где-то полчаса спустя мой целенаправленный поиск увенчался успехом.

БАБА КАША

Эх, ну что за человек эта баба Каша! Мировой! Чего она только не знает. Целый учебник запросто можно написать с её слов по истории Каменки двадцатого века. И к тому же очень гостеприимная. Без лишних расспросов провела в дом, усадила и твёрдо заверила, что сейчас же обязательно обо всём расскажет, мол, жизнь у неё на разные случаи богатая была, за семьдесят девять лет всякое бывало. Села рядом на табурет и неторопливо начала.

– Отец-то мой беда рано помер, в двадцать восьмом году, от туберкулёза скончался. Мне тогда только тринадцать лет было. И в те же где-то дни, надо ведь было так случиться, моя сестра старшая Евгения обожглась сильно. Две недели в больнице пролежала, её всё бинтовали, бинтовали, бинтовали... Не помогло. В больнице тогда беда худо лечили, да и врачей путных не было. Семнадцать лет ей было, сестре-то. Вот так и понесли двоих хоронить: отца и дочь. Они и в церкви-то вместе рядком лежали на отпевании, ещё успели их по-божески схоронить, потом прикрыли всё это дело. Попов разогнали, церковь закрыли. До чего же жалко.

Одна я у матери осталась одинёшенька. И не училась совсем.

– А что ж так?

– А когда?! Всё водиться с кем-нибудь из мальцов деревенских заставляли. С одним, бывало, только вывожусь, а уж другой голосит благим матом.

Когда в Каменке коммуна образовалась, мы с мамой на пару пошли записываться. Деваться было некуда. Нам тогда беда трудно

стало жить, без отца-то. Нынче-то всё совсем не так. Где же! Царь раньше так не жил, как теперь некоторые проныры. Всё тянут, тащат. Каждый день воруют, деньги копят. А всё им мало. Нет, не было раньше такого. Хоть режь меня – не припомню такого нахальства бесстыжего. Мне это беда как не нравится!

А в колхозе-то меня, слышь, только «правдой» звали. Никак иначе. Всегда за неё стояла. Справедливость во всём любила. Каждый день не ленилась, ходила проверяла тока, конюшни, не наведались ли туда жулики какие. Колхоз-то у нас назывался «Заветы Ленина», вот я его заветы и выполняла.

Росла, помню, не по годам. Сама иногда беда дивилась этому. Развитие и соображение у меня хорошее было, а сейчас толку совсем нету. По одному делу, бывает, по десять раз хожу. А в селе вообще стараюсь как можно реже показываться, только до магазина. У меня ведь и надеть даже теперь нечего, поизносилась вся. Да и к тому же до сих пор корят меня некоторые за мою правду-то.

– А потом что же, так и не представилось возможности учиться, когда подросли?

– Ну, почему же, в молодости, было дело, меня посылали на курсы трактористов в Кармак. Тогда, однако, ещё не было тракторов в Советском Союзе. Ладно, что на первых порах американцы с ними помогли. На курсах-то много грамоты в те года не спрашивали. Научилась, в общем, трактористкой стала в колхозе. Потом другие трактора появились, большие. Наши уже. А на них у меня не хватает годов-то. Но меня не выгнали из отряда, людей не хватало, а я к тому же и работала качественно, не чета некоторым.

Позже меня как одну из лучших работниц в Тобольск отправляли на курсы комбайнеров. Я, слышь, туда приехала, а меня и не приняли. Документы у меня, конечно, хорошие, всё чин чином, но вот грамоты опять-таки никакой. А я что, как беспельтук (глупый человек – П. Ч.), буду там сидеть? Нет, конечно. Обратно поехала.

Так и не пришлось мне в жизни грамоте выучиться. По нынешний день, хоть верь, хоть не верь, читать нисколько не умею, газеты не выпиываю. А эти вот, что на столе лежат, не мои. Так, кто-нибудь если заходит, то оставляет иногда по забывчивости, а я по случаю картинки в них смотрю, да ещё по хозяйству если что завернуть требуется, то их беру.

Бог с ними, с буквами этими. Всю жизнь и проработала, зато уж на совесть – никто меня на этот счёт не попрекнёт. Вот так.

Церковь-то нашу видел? Покровская. Недавно отремонтировали. Правда, колоколов ещё нету. Ну да ладно, и без того хлопот много было. В ней долгое время склад был, в одном из приделов цемент хранили, а он, видать, сырости в себя набрал и как камень сделался. Долго же, когда до церкви руки, наконец, дошли, его отскабливали. Повозились мужички с ним. Теперь церковь – всем на радость, как в былые времена. Загляденье просто. Спасибо добрым людям. Вот бы дожить до того дня, когда колокола поставят. Всё мечтаю хотя бы перед смертью колокольный звон послушать.

Православная церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Каменке. 2002 год.

А я ведь ещё помню, как здесь крестили, венчали. Ох, однажды две богатые семьи породниться решили, вот это свадьба так свадьба была! Я ещё совсем маленькая бегала, лет пяти, а помню. Невеста-то в платье красивом до пят, в украшениях вся, с фатой длиннущей, а жених в костюме, кудрявый, а на ногах обувка добротная, блестящая. Прямя-таки франт.

Как к церкви-то близко стали подходить, перед ними родственники начали расшитые полотенца расстилать, а они идут под руку, важные такие, радостные, и за ними опять же их родственники пряники, конфеты, сладости там разные кидают. Это обычай такой, чтобы у молодых жизнь такая же богатая, щедрая да сладкая была.

А нас, сопляков-то, что, – нас лишний раз звать-приглашать не надо! Тут же в ногах взрослых крутимся, всю эту вкусноту себе в подол собираем. Ещё и подрагаться из-за лишнего пряника или леденца успеваем.

А в конце двадцатых всё прахом пошло. Как ещё церковь не снесли только. Было время, года сейчас точно не помню, но внутри церкви тогда колхозный склад помещался, так вот в куполах-то церковных пчёлы себе место облюбовали. Стали там жить, словно в улье. И вот, слышь-ка, чего однажды приключилось. У кого-то из нашенских мужиков ума хватило, собрались несколько и решили купола снять, чтобы, значит, мёд достать. Как-то верёвки умудрились прикрепить и стали тащить, может, своими силами, а может, и с помощью трактора.

Купол, понятное дело, свалился и – на куски. Пчёлы оттуда тучей вылетели, разъярённые, покусали многих. А мёду-то и не оказалось. Было, конечно, немного, но когда купол упал да развалился, соты сломались, и он весь вытек на землю.

Старые люди, помню, про себя да между собой сильно тогда возмущались, что так церковь испортили, но кому что скажешь, ремонтировать-то всё равно никто не будет. А что натворили по глупости, то быстро никак не поправишь. А стал бы если кто-нибудь укорять за хулиганство беспутное, то на такого бы сразу же с десяток охотников набралось, чтобы рот заткнуть.

Ещё одна большая беда была. Пожар. На моей памяти – всем пожарам пожар. Эта горка, где я живу, вся выгорела. Дотла. А ведь наша-то улица в те годы главной была, по ней тракт проходил на Тюмень. На ней почти все дома стояли двухэтажные. Богатые люди в них раньше жили, хозяйственные. А вот возьми да и приключись пожар в одно лето. Дом за домом всё и погорело. И людей близко не оказалось, все в полях. А старики да дети малые что сделают. У кого

свиньи да другой какой скот был, так в пожар вся эта живность словно сдурела. Ей богу! Её спасаешь, скотину-то, в сторону гонишь, прочь от опасности, а она, как безумная, сама в пекло лезет, бежит-скачет прямо в огонь с криком-визгом. Ужас, да и только!

Вот потому теперь и домов-то старинных двухэтажных на этой стороне нет. Новая застройка вся одноэтажная.

Ну и праздники у нас тоже, конечно, были. А то подумаешь ещё ненароком, что в Каменке сплошь горемыки да лихоимцы подобрались. Нетушки! Не всё же бедовать да горевать. Веселиться от души мы тоже умели и гадать. Вечёрки бывали часто. Правда, пока мы маленькие были, нас на них не пускали, только потом, когда мы уж постарше стали.

А гадали-то у нас так. Соберутся как-нибудь девки, пойдут ночью к старой полуразрушенной кузнице на краю села голоса слушать. Дверь там была давно уже без петель, её просто прислонят к проходу, и всё. А сами упадут на колени и слушают, кому и что в тишине померещится. Кругом темень непроглядная. Но без приключений тоже не обошлось.

Однажды парни, видать, прознали, в какую ночь туда девки пойдут, и раньше их туда прибежали. Затаились, испугать решили. Пришли девчата, ни о чём не догадываются, сели на колени прямо за дверью. А парни этого не знали, думали, что они дальше отойдут, и опрокинули тесовую дверь внутрь кузницы, чтобы испугать. А дверь-то прямо девчонкам на пятки упала. Ох, и крику среди ночи было! И от испуга, и от боли. Все собаки в Каменке залаяли. Наверно, половина села проснулась. Парням тогда беда сильно досталось, здорово девчонкам ноги зашибли, те, наверно, полмесяца ходили хромя.

А ещё иначе гадают. Молодые девчата захотят, например, узнать, каким у них муж будет, соберутся опять-таки глубокой ночью и идут в чью-нибудь стайку баранов за мужское место ловить. Какое это место у барана попадётся – такое и у мужа её будет.

Большое – так большое, а маленькое, так не обессудь, сама выбрала. И опять же один парень как-то прознал, в какую они стайку пойдут, пробрался вечером, разделся догола и спрятался меж баранов. Ой, смех! А девки что? Пришли, выбирать, шупать стали. Одна-

то из них у этого парня между ног и ухватила. Сперва-то не сообразила: «У-у, какой добрый попался!» – говорит, а парень, не будь дурак, молчком развернулся в темноте и обхватил её крепко. Даже поцеловать успел да потискать, где надо. Ох, как она завизжала! Всех овец перепугала. Как-то вырвалась потом от парня, и все убежали без оглядки.

Девчонки над ней потом долго подсмеивались: «Ну, как, хороший барашек попался?!» Пока та замуж не вышла. А так судьба распорядилась, что она именно за этого парня и вышла, за «барашка» своего. И не покаялась. Видать, и правда, «добрый» попался, трёх детишек настрогал. Вот ведь как в жизни бывает.

А хочешь, я тебя свежей простокишей (простоквашей – П. Ч.) угощу с вареньем?! Ты его туда намешай. Очень вкусно. Как коктэля получается. Я сама так каждый день пью, мне беда нравится. А потом я тебе ещё что-нибудь интересное расскажу...

С бабой Кашей можно разговаривать бесконечно долго. Кстати, на самом деле её зовут Клавдия Ивановна Мелкобродова. А бабой Кашей сначала её принялись звать маленькие ребятишки, которые не могли выговорить имя Клаша. А вслед за ребятнёй и всё село постепенно подхватило и стало величать Клавдию Ивановну – бабой Кашей, приклеилось крепко, навсегда.

КУЛИГА

Последним пунктом диалектологической практики оказалась деревня Кулига, расположившаяся неподалёку, в верховьях речки Каменки. Кулига, как и Кулаково, состоит из двух соединившихся деревень: собственно Кулиги и Сорокиной. Деревня Сорокина, видимо, названа по фамилии первопоселенца, а вот с Кулигой дело обстоит иначе и интереснее.

Слово «кулига» в разных местах Сибири имело различный смысл: это и большая поляна в лесу, и низкое место, заливаемое водой, и небольшая речка, текущая из болота, а в девятнадцатом веке в Тобольской губернии так называли небольшую рощу. Даже если теперь пристально осмотреть окрестности Кулиги, то ей любое из перечисленных значений полностью подходит. Тут и рощицы, и речка, текущая из болота, и поляна в лесу – всё есть.

И Кулига, и Сорокина были построены много позже Каменки. Но Кулига была достаточно крупной деревней. Уже сто двадцать пять лет назад в ней насчитывалось двести шестьдесят дворов и жило более тысячи человек, но к началу двадцатого века люди стали отсюда разъезжаться.

И по сей день жители деревни стараются перебраться ближе к городу, хотя бы в соседнюю Каменку. Там и школа есть, и церковь, и магазинов больше, да и автобус рейсовый чаще ходит. Так что и старушек коренных в Кулиге практически нет. Впрочем, что же мы всё о старушках?! Можно и с кем другим поговорить.

КУЛИГИНСКИЕ ПАЦАНЫ

Между Каменкой и Кулигой, если идти берегом речки, живописнейшие места. Тут есть и прекрасные укромные заводи для купания, я сам не однажды купался в Каменке. Вот и теперь решил сходить на тот небольшой пляжик в полукилометре от Кулиги.

Подхожу и вижу, что не один я полюбил это место: полдюжины ребят разного возраста шумно плескались в воде, играя в «шквару» старой поролоновой губкой. На берегу метрах в девяти от речки горел небольшой костерок. Я присел у огня возле скинутых в кучу ребячьих вещей. Опёрся на локоть, гляжу на них, даже «болею» за кого-то.

Заметив меня, ребята ничуть не смутились, поиграли ещё некоторое время и только потом стали выходить к костру, отдыхать да греться. Неспешно шагают навстречу мне и все нагишом – как один, незагорелыми частями тела сверкают.

– Здорово, земляк. А ты к нам, что ли? – спросил самый старший из них, лет тринадцати-четырнадцати, по-деловому, без всякого стеснения.

– К вам, – добродушно ответил я.

А самый младший из компании после рукопожатия с несколько нахальной гостеприимностью предложил:

– Слышь, ты, картошки печёной хошь?

Я согласно кивнул.

– Ну, как вы тут живёте-можете? – спрашиваю, обводя их приветливым взглядом.

– Да помаленьку, – просто отвечает белобрысый коренастый паренёк, со свежей ссадиной на ноге. – Каникулы ведь. Что хочешь, то и делай.

– А вы всегда так, голыми купаетесь?

На что старший, откусывая от картофелины горячий кусок, буднично ответил:

– А что такого? Кого нам стесняться-то здесь, коров, что ли? А голым-то куда удобнее себя в воде чувствуешь. Так что нормально. Девчонки сюда в это время не ходят. Да если бы и набрели вдруг – ничего страшного. Мы же ещё не мужики. Скрывать-то особенно нечего. Мохнатка какая никакая, что внизу живота, сам ведь видишь, только у меня одного пока имеется, с год назад расти начала, а остальные-то совсем салаги – пятиклашки да третьеклашка один – они вовсе снизу ещё лысые.

Остальная ватага, слушая своего старшего приятеля и с аппетитом уплетая картошку, после этих слов коротко и бесхитростно расмеялась.

Я хотел спросить их ещё о чём-то, но у меня в руках каким-то образом оказалась зелёная эмалированная кружка с густо заваренным чаем – это подоспел чайник, а пацаны сами наперебой стали рассказывать о летнем мальчишечьем житье-бытье, вплетая в рассказы свои незамысловатые ребячьи фантазии.

Вот такие они, кулигинские пацаны. Замечательные, подумалось мне, парни из них могут вырасти, надёжные. Очень хочу в это верить. Вот только куда закинет их судьба? Останутся ли они в родной деревне или же, как многие, тоже подадутся устраивать жизнь в близкий город?

Об этом тогда говорить было ещё рано.

На этой же встрече у костерка на берегу пруда завершилась и моя восьмидневная «одиссея» по деревням и сёлам Тюменского района. Практика подошла к концу. На следующий день сто двадцать шестой автобусный маршрут уже без меня отправился по своему привычному пути: Кулаково – Каменка – Кулига.

г. Тюмень – г. Ханты-Мансийск, 1993, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	4
А. Опейкин, Е. Опейкина. Оживляя историю	5
Кулаково – Каменка – Кулига (краеведческий очерк)	8

Павел Рудольфович Черкашин

КУЛАКОВО – КАМЕНКА – КУЛИГА

Краеведческий очерк

Выпускающий редактор Т. Ю. Усманова

Технический редактор С. Н. Черкашина

Оператор набора П. Р. Черкашин

Оператор верстки В. В. Гудзовский

Фотограф П. Р. Черкашин

Корректор С. Н. Никулина

Цветоделение обложки, печать выполнены ГП «Полиграфист»

Изд. лиц. ЛР № 040869 от 14.01.98 г.

Формат 60x84/16. Бумага мелованная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл.п.л. 2,33. Подписано в печать 29.02.2004 г.

Тираж 500 экз. Заказ № 880.

ГП «Полиграфист»

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области,

628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.

Тел. 3-29-84

**ПАВЕЛ
ЧЕРКАШИН**

**КУЛАКОВО —
КАМЕНКА —
КУЛИГА**

